

**ИЗ ПРАКТИКИ. «КРЫСА ИЗ СТАРОГО МИРА»
(ЗАНЯТИЕ В ГРУППЕ ТВОРЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ
(ТЕРАПИЯ ТВОРЧЕСКИМ САМОВЫРАЖЕНИЕМ (М.Е. БУРНО)))**

Бурно М.Е.

Бурно Марк Евгеньевич

доктор медицинских наук, профессор, врач психиатр-психотерапевт; профессор кафедры психотерапии и сексологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Баррикадная, д. 2/1, корп. 1, Москва, 125993, Россия. Тел.: 8 (499) 252-09-01.

E-mail: allaburno@rambler.ru

Аннотация. Это — живое изложение не раз прожитого вместе с пациентами, психотерапевтами, психологами в психотерапевтической гостиной лечебного занятия (нескольких связанных между собою занятий) по психотерапевтическому рассказу М.Е. Бурно «Крыса из старого мира» (1977). Для более полного проникновения в занятие оказалось уместным привести рассказ здесь целиком. Занятие существенно помогает дефензивным тревожно-сомневающимся пациентам, пациентам с тревожными, апатическими, деперсонализационными депрессивными расстройствами. Занятие ведёт психиатр-психотерапевт или медицинский психолог. В начале занятия ведущий неспешно, выразительно читает вслух рассказ.

Ключевые слова: Бурно М.Е.; психотерапия; Терапия Творческим Самовыражением; личность; медицинская психология; дефензивные расстройства; тревожные расстройства; апатические расстройства; депрессивные расстройства; деперсонализационные расстройства.

УДК 616.89-085.815:615.851.82

Библиографическая ссылка

Бурно М.Е. Из практики. «Крыса из старого мира» (занятие в группе творческого самовыражения (Терапия творческим самовыражением (М.Е. Бурно))) // Медицинская психология в России. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 2. doi: 10.24412/2219-8245-2019-2-2

Поступила в редакцию: 12.01.2019 Прошла рецензирование: 25.02.2019 Опубликована: 14.03.2019

Это живое изложение не раз прожитого вместе с пациентами, психотерапевтами, психологами в психотерапевтической гостиной лечебного занятия (нескольких связанных между собою занятий) по моему психотерапевтическому рассказу «Крыса из старого мира» (1977). Рассказ опубликован в книге автора «Больной человек и его кот: психотерапевтическая проза о целебном творческом общении с природой» [2]. Однако для более полного проникновения в занятие уместно привести рассказ здесь целиком. Занятие, по нашему опыту, существенно помогает дефензивным тревожно-сомневающимся пациентам, пациентам с тревожными, апатическими, деперсонализационными депрессивными расстройствами. Занятие ведёт психиатр-психотерапевт или медицинский психолог. В начале занятия ведущий неспешно, выразительно читает вслух рассказ.

КРЫСА ИЗ СТАРОГО МИРА

Утром в мае на столе под конским каштаном пытит самовар с вмятиной. Самовар топится сосновыми шишками, а рядом, под медным старинным его боком, в белом с красным петухом чайнике, густеет крепкая смешанная заварка — индийско-цейлонско-грузинская. За чаем сидят двое: мужчина лет сорока, психолог, в белом костюме с короткой бородой, и его двенадцатилетний сын, ученик шестого класса биологической

школы. Вокруг березы и тополя уже выпустили прозрачные листья. Терпкий запах листьев смешивается с ароматом чая. В траве с желтыми одуванчиками у деревянного крыльца дачи разлегся серый кот. Уши его дергаются, и он возбужденно облизывается, когда на заборе или в кустах крыжовника по-весеннему звонко, чисто чирикает воробей. Огородные грядки белы от цветков клубники. Уже можно за хвостик вытащить из земли редиску или маленькую морковь. Жужжит оса над вареньем.

Но мужчине и его сыну опять плохо здесь: в душе тягостная напряжённость. Они знают: плохо потому, что всё здесь экспериментально-искусственное и герметически оторвано от старого мира. За невидимо-непроницаемыми стенами — слякоть с густо-грязным от долгой цивилизации воздухом, гулом механизмов, вибрацией, но там лучше, чем в этой «природной» тишине. Тяжело, скверно ощущать, что всё живое здесь, кроме них самих, синтезировано человеком. Морковь, оса, редиска, кот, воробей, деревья, крыжовник — всё растёт, двигается, пахнет и тоже, как и всё по-настоящему живое, отличается от неживого обменом веществ и способностью размножаться. Здесь смоделировано всё — вплоть до весенних сдвигов в обмене веществ, вплоть до назойливых болотных мошек — их не отличишь от настоящих. В трупах этих мошек тоже содержатся важные для жизни других живых существ редкие металлы. Неестественность всё же чертовски ощущается, но вопрос — в чем она? Ни мужчина, ни мальчик не могут доказательно отличить синтетическую травинку от настоящей, прошлогоднюю шишку искусственной сосны — от редкой теперь настоящей прошлогодней сосновой шишки, аромат синтетического чая — от аромата настоящего вымирающего чая. В чём же эта неприятная, интуитивно отчетливо ощутимая искусственность воробья, кота, редиски? Почему порождает она душевную напряжённость, ещё более острую, изощренно-тягостную, нежели сегодняшний бешено-суетливый мир? Почему здесь даже мальчик постоянно озабочен неизбежностью своей смерти? Слова старинного поэта «мгновенно унесет тоску души твоей врачующая власть проснувшейся природы» к такой природе не подходят. Почему? Они занимались этим втроем, то есть ещё с мамой, но мама особенно тут мучилась. Вчера возле грядки с салатом у неё был нервный припадок, и её отправили в старый мир.

Мальчик подозвал кота и бросил ему овсяное печенье, испеченное из синтетического овса. Кот не стал есть печенье, но жадно слопал искусственную шпроту. Мальчик записал это в тетрадь.

Из-за кустов бузины вышел неуклюжий Степан с корзинкой старинного мармелада, приготовленного из сока настоящих вишен, настоящего свекольного сахара. Всё это в оранжерейно небольших количествах ещё было на Земле. Мужчина и мальчик сразу почуяли природную природу, горячо оживившись внутренне, и глаза их заблестели, но опять они не смогли объяснить, в чём отличие, почему нездоровы все эти порождаемые приборами массы свежайшей редиски, вишен, яблок, котят, петухов? Ведь всё это при нынешней технологии и по цвету, и по запаху невозможно доказательно отличить от остатков природы предков. Сейчас, когда из неживого синтезируются половые клетки самых разных роботов, животных и растений с запрограммированной в них жизнью до самой дряхлости, когда эти клетки в процессе развития искусственного организма воспроизводятся, дают жизнь новым таким же организмам, — сейчас особенно важно разобраться, наконец, чего же не хватает человеку в этом так искусно сотканном искусственном мире.

Неуклюжий Степан поставил корзинку с мармеладом на стол и топтался рядом в нерешительности. Он был в белой рубашке и синих клетчатых штанах, широколицый, лет тридцати семи, легко краснеющий, застенчиво отводящий глаза в сторону от человеческого взгляда. Отец мальчика специально взял на дачу этого нерешительного робота, тревожного тугодума, склонного к сомнениям, анализу и самообвинению. Такой характерологический тип робота был намеренно сконструирован Институтом как робот-естествоиспытатель в дарвиновском духе. Он, так же как Дарвин, отличался весьма средними инструментально-умственными способностями, прежде всего слабой механической памятью, плохой способностью сосредоточиваться и с быстрой

сообразительностью схватывать принятые образцы-трафареты мышления, что должно было медленно порождать здесь, как и в Чарлзе Дарвине, никому не доверяющую инертную, зато оригинальную, то есть собственную, мысль.

Психолог хотел свою трезво-живую, сангвиническую манеру мышления дополнить с помощью Степана иным мыслительным подходом к изучаемым предметам. Пока, однако, Степан давал лишь трудность выбора и замедленность, инертность. Всё это без творческой оригинальности было мило, смешновато, но и только. Когда же в отчаянии попробовали Степана в элементарной помощи по хозяйству, то он стал всё ронять, портить или путать по рассеянности. Кстати, и в Степане тоже чувствовалась раздражающая искусственность, роботность, и тоже не ясно было, в чём она. Даже вмятина на старинном тульском самоваре, возникшая оттого, что Степан грохнул самовар о ступеньки крыльца, как-то неприятна была именно тем, что сделал её не человек, а робот. Он разбил драгоценные фамильные чашки, ещё девятнадцатого века, и удивительно, как он сейчас не рассыпал мармелад в кустах бузины.

Степан всё топтался у стола и робел отойти. Мужчина сказал ему:

— Что ж вы, голубчик, печатаете на своей машинке банальность и несуразицу! Ведь вам скоро сорок, ваш самый творчески-открывательский возраст проходит. Я-то, восхищаясь вашей застенчивостью, самокопаниями, надеялся на открытия, а вы напечатали, что естественный одуванчик отличается от синтетического жизненной силой. Чистой воды древний витализм, голубчик. Разве в вас самом нет этой жизненной силы?

— Как будто есть, — неуверенно сказал Степан.

— В чем же она?

— В обмене веществ и способности размножаться. У меня есть сын...

— Да, да. Такой же тютя. Так почему же этой жизненной силы нет вот в этом синтетическом одуванчике? Разве он живет не обменом веществ, разве не посылает во все стороны семена на пушинках-парашютах?

— Да.

— Что «да»?

— Есть жизненная сила в одуванчике.

— Почему же раньше не сообразили этого?

— Наверно, от груза старой информации.

— Так ведь надо же творчески думать!

Робот вздохнул.

— Позвольте мне лучше набрать в лесу шишек для самовара, — попросил он.

Мальчик сказал:

— Пусть себе идёт в лес, папа. Шишки рассыплет — не разобьёт, собрать можно.

— Пусть идёт, — махнул рукой мужчина, откусил кусочек мармелада и уютно-блаженно зажмурился. — Хочешь настоящего мармелада, Степан? Или тебе всё равно, что такой, что искусственный?

— Мне всё равно, — кивнул Степан и покраснел.

— Поймай мне в лесу лягушку для опытов, — попросил мальчик.

Робот кивнул, взял в чулане мешок для шишек и поплелся в лес. Мужчина и мальчик смотрели на его удаляющиеся к калитке по асфальтовой дорожке вялые ноги в сандалиях и с пятнами зелёнки на царапинах. Степан был жуткий тревожный ипохондрик и зеленку носил в бутылочке с собой в кармане. В ипохондрии, в тревоге его не было живости, но отчетливо звучал искусственно-механический оттенок.

— А ведь, в сущности, Степа не боится смерти, — сказал мужчина. — Почему? Как думаешь? Так трясется над каждым прыщиком, царапиной, а когда говоришь при нём, что его стоит, за негодностью, разобрать на запасные части, не боится, виновато себе улыбаясь, согласен. Из-за этой отрешенной виноватости и жалко его. Чёрт знает что! Как думаешь, почему он не боится смерти?

— Потому что у него нет души, — ответил мальчик.

— Что ты понимаешь под душой?

— Высшее развитие жизненной силы, которая в грубом, начальном виде есть и в редиске, а в работе её нет и никогда не будет.

— Почему?

— Потому что жизненная сила светится лишь в особой материи, порождённой эволюцией. Мы никогда не сможем смастерить даже таракана, настоящего, с жизненной силой.

— Да, верно, от всей этой дачной живности тошнит, но почему тошнит? В чём разница между естеством и искусственностью?

— Не знаю, какими элементами объясняется эта разница, — пожал плечами мальчик. — Я знаю, что она всегда будет, потому что искусственная редиска и искусственный человек возникают без миллиардов лет эволюции.

Мужчина взял с зеленой скамейки соломенную шляпу и надел её: оса кружилась над его лысиной, и он боялся её искусственных укусов, противных, будто они делаются какими-то инструментами.

— Понимаешь, — сказал он мальчику, — мы ведь учитываем эволюцию, основной биогенетический закон. Вот Степа в животе своей матери, так же как и мы с тобой, был чем-то вроде рыбы с жабрами и потом волосатой вроде бы обезьянкой, пока волосы не растворились в околоплодной жидкости.

Мальчик слушал и ходил взад-вперед по траве с одуванчиками в своих сандалиях из кожи искусственной свиньи, подтягивал короткие белые штаны, коленки были в светло-зеленых пятнах от травы, а в одной руке сияла острым естеством среди угнетающей искусственности лиловая железная надкусанная мармеладина. Кот спал теперь в тени кустов бузины, распластав лапы в траве, но и блаженство его было проникнуто какой-то еле уловимой химически-механической искусственностью.

— Вот что, папа, — сказал мальчик. — Я думаю, что только эволюция, только то, что мы с тобой живем не только столько лет, сколько у нас в документах, но еще плюс столько, сколько живет всё живое, то есть несколько миллиардов лет, — только это способно образовать настоящих нас, таких, какие мы с тобой сейчас есть. Ведь в нас есть элементы, общие с древними мамонтами, земноводными чудовищами, я уж не говорю про обезьян. Жизненная сила, дух способны излучаться лишь эволюционно-организованными организмами, а не смоделированными. Эволюцию не запрограммируешь. Ты, как психолог, быть может, этого не чувствуешь, а я это остро ощущаю всем телом. Человек от животного отличается, кроме всего прочего, тем, что всегда помнит, знает о своей смерти, боится ее, один меньше, другой больше, но когда общается со своими животными и растительными родственниками, то заражается от них наивной радостью бытия, способностью не думать, не знать о смерти или относиться к ней естественно спокойно, будто он сухой лист дерева, падающий с ветки, а на ветке другой лист вырастет. Но для этого ведь мне важно общаться с настоящим, живым деревом. Меня давно уже тошнит и голова болит, потому что не ощущаю, что эти березы, одуванчики и прочее есть мои родственники, что мы родные ветки одного дерева эволюции. Моя «животная половина», как называл ее Павлов, потому и напряжена, что не может смягчиться родственным созвучием с другим — истинно живым. Понимаешь, я бы сейчас, без смеха, обнимал и целовал лопух у дорожки в парке, только чтобы это был настоящий лопух, тоже, как и я, возникший в процессе эволюции, несущий в себе, как и я, следы того морского живого бульона, в котором

началась жизнь. Конечно, кто возник искусственно, синтетически, вне эволюции, тот не чувствует своей кровью этого единства с природой.

— Так, — сказал мужчина удивленно. — Погоди, значит мы здесь напряжены душевно, боимся смерти, потому что не ощущаем эволюционного единства, созвучия с этой природой, не резонируем с ней, что ли?

— По-моему, да.

— Но, тогда почему ты чувствуешь это острее, чем я?

— Потому что тревожней тебя, как и мама, а в тебе всё-таки больше живого, трезвого сангвинизма, то есть твоя «животная половина» богаче нашей, твои тревоги потому и слабее.

Мальчик сел на ступеньку крыльца, сгорбился и заплакал. Его красные сандалии беспомощно стояли носками внутрь, подмяв под себя одуванчик.

— Опять тошнит, — вздохнул он. — Страшно. Здесь может спокойно жить только робот.

— Да, ты, конечно, в маму, совсем раскис. Ну, не плачь, я схожу в дом, принесу таблетку.

— Не надо, — сказал мальчик. — Опять химия... Может, найдешь где-нибудь живую муху. Хоть бы с ней пообщаться, мне б легче стало. Не знаешь, нет здесь настоящей мухи?

Отец пошел в дом, но не нашел там мухи.

— Когда нас отсюда выпустят в старый мир, к остаткам живой природы? — спросил мальчик. — Нельзя позвонить, чтобы поскорее?

— Конечно, можно.

— Так позвони, а? А то такое чувство, будто умираю.

— Хорошо, пойду позвоню. А ты съешь вот оставшиеся мармеладины. Настоящие.

— Хорошо. Надо было мне взять с собой хоть муху в коробочке. Что там шевелится в листьях редиски? Пойду посмотрю.

Мужчина пошел в дом, и когда потом вышел на крыльцо, то вздрогнул от радостного крика мальчика. Мальчик кричал на огороде. Мужчина бросился туда. Его сын сидел на корточках возле грядки, а вылезшая откуда-то остервеневшая настоящая крыса вгрызлась зубами в его руку.

— Крыса, папа! — кричал, смеясь, мальчик. — Мне совсем не больно от этих злых зубов, это живые зубы моей родственницы. Ей тут жутко тоже, изголодалась, бедняга. Это же настоящая, не искусственная крыса — из процесса эволюции, наша родня!

Отец слегка остолбенел и, к удивлению своему, почувствовал, что, уставший, тоскливый, завидует этой радости общения с крысой. Почувствовал даже, как рука невольно потянулась разорвать рукав белого пиджака, чтобы дать крысе свою руку тоже.

Хлопнула калитка — вернулся Степан. В лесу ещё не высохла роса. Степан был бос, роса размыла пятна зелёнки на ногах. Сандалии он, видно, положил в мешок с шишками, который держал в руке. В другой руке у него была живая, но ненастоящая лягушка, и её задние лапы, свесившись вниз, влажно блестели. Степан смотрел, как радостно кричит мальчик с рукой, залитой кровью, как неловко улыбается отец мальчика. Степан не мог понять, что происходит, он только знал, что надо сейчас убирать со стола посуду и, главное, очень постараться ничего не разбить.

1977

Основной вопрос для обсуждения

Почему же мальчику и его родителям тяжело в таком внешне обыкновенном, красивом, но внутренне искусственном, смоделированном дачном мире? Редиска, одуванчики, кот, воробей, берёза — будто настоящие. Робот Степан как будто ничем не отличается от живого тревожно-сомневающегося человека. Да, все они, в самом деле, не стали неповторимыми самими собою сегодняшними из миллиардов лет эволюции царства растений и животных. Из естественного отбора дарвиновской эволюции. Нет у нас со всеми этими «существами» природного, наследственного родства. Ну и что же? Говорят же и пишут сегодня всерьёз о том, что человеческая душа с её переживаниями, страстями, интуицией, волей, способностью нравственно сочувствовать людям в беде, что наша душа — «не более чем сумма хранящейся в памяти информации». Что «создаваемый человечеством сверхразум» и «цивилизация роботов» будут бесконечно саморазвиваться. И могут перестать слушаться человека (Александр Болонкин, российско-американский учёный [5]). Учёные (и другие люди разных занятий) с религиозным мироощущением, независимо от содержания религиозного мироощущения, чувствуют, понимают, что истинный Творец — это всё же не сам человек. Человек лишь «слышит» Бога. Так полагают и многие математики, физики, кибернетики. Иные из них не скажут, в отличие от священника, что душа бессмертна (например, в христианском понимании), но тем не менее проникнута БОЖЕСТВЕННОЙ силой. Для убеждённых материалистов (в том числе учёных с естественно-научным складом души) Творец — сам земной человек, просто гений от ПРИРОДЫ в случае совершённого им великого открытия в культуре.

Так почему же здесь, в этом синтетическом мире, людям трудно душевно, духовно дышать? Если чувствуете, что и вам было бы не по себе в таком мире, попробуйте объяснить, *почему* было бы не по себе.

Возможное заключение ведущего группу (после обсуждения)

Как сказали многие из вас, дело тут, прежде всего, в дарвиновской эволюции, в историческом постепенном развитии органического мира Земли, движущими силами которого являются *изменчивость, наследственность* и *естественный отбор*. Изменчивость живого для приспособления к трудностям жизни невозможна без *неповторимости, уникальности* живого, как и ПРИРОДЫ вообще. В отличие от повторимости всего смоделированного, сооружённого человеком. Не найдём двух природных редисок, в точности повторяющих одна другую. Другая, тоже природная, редиска может быть очень похожа на первую, и всё-таки это не то же самое. А искусственных редисок можно наделать, «наштамповать» много одинаковых. Эволюция невозможна без уникальной (неповторимой) работы изменчивости (для приспособления). Увлечённый изучением естествознания мальчик как-то чувствует эту природную уникальную работу (изменчивость, наследственность, естественный отбор) в течение миллиардов лет. Чувствует плоды, результаты этой работы в неповторимости (уникальности) природной редиски. Природа своей уникальностью в любом минерале, растении, животном, человеке неистощима. Эта неповторимость природы есть *неповторимая повторимость*, поскольку *единичное неповторимое* неотделимо от *общего повторимого*. В том числе *неповторимо-личностное* в человеке неотделимо от *общего, повторимого, характерологического*. Например, неотделимо от общего в душе тревожно-сомневающегося (психастенического) человека с другими психастеническими людьми. В строгом, «модельном», смысле *характер повторим, а личность*, общими чертами включающая в себя повторимый характер (общее) *неповторима*. Каждый аутист (аутистическая уникальная *личность*) неповторим, но с другими аутистами его роднит аутистический *характер* как пропорция, схема характерологических свойств, как ориентир без уникальности. Однако когда мы живо, образами, не схематическим списком, пропорцией характерологических свойств (симптомов) описываем характер, а описываем характер ради оживления его в душе читателя, слушателя красками жизни, ничего не остаётся, как свойства конкретного характера обнаруживать полнокровно-личностными уникальными неповторимостями, превращая их (повторимые черты характера) в неповторимое

личностное полнокровие. Так поступали Э. Кречмер, Ганнушкин, Лазурский. Но это не принято у психологов, потому что ПСИХОЛОГИЯ (в отличие от естественно-научного КЛИНИЦИЗМА) не есть НАУЧНОЕ ИСКУССТВО, а есть чистая НАУКА.

Так же, кстати, неповторима как «личность» любая природная сосновая шишка, но у неё есть *общее*, схематическое, повторимое с другими сосновыми шишками. Как и у еловой — с еловыми. И *природная неповторимость* шишки, лягушки, человека, в случае каких-то *граней созвучия* с душой какого-то, например, депрессивного, человека способна оживить, поджечь его увядшую духовную неповторимую повторимость, то есть депрессивную *личность*. Оживить светом творческого вдохновения (светлого переживания встречи с самим собою: со *своим* смыслом, *своей* любовью к миру и людям). Не только творческое целительное переживание вдохновения может вызвать *творческое общение* депрессивного человека с ПРИРОДОЙ, но и вообще (и у многих здоровых людей) может поднять жизненный тонус, рассеять скуку, прояснить мысли, оживить желание жить, делать свои дела с новыми силами.

Существует неисчислимое множество, бездна природных особенностей как бы для созвучия, для граней созвучия с нашими душевными, духовными особенностями. Медицинский психолог Елена Александровна Добролюбова в работе 1977 г. пишет по этому поводу следующее, в сущности, впервые так выразительно, сколько могу судить: «...ни в одном человеческом обществе, ни в одной художественной галерее не найти столько индивидуальностей сразу (в природе каждый человек наверняка и быстро найдёт созвучное себе — как нигде: она содержит в себе зачатки всех характерологических радикалов)» [4, с. 601].

Конечно, в соответствии с особенностями души человеку одного склада ближе, созвучнее подмосковные застенчивые берёзы, другому — мускулистые сибирские сосны, третьему — саксаул в горячей пустыне, но уж в своей родной природе (где прошло детство, выросли) разные люди почувствуют, найдут близкое себе и, значит, вдохновляющее их. Даже природным созвучием своего раздражения с какой-то «злой» природной индивидуальностью (но только именно природной, уникально-неповторимой), как, например, крыса в рассказе, возможно, думается, по-настоящему встряхнуть апатическую вялость с бессмысленностью существования.

Психастенический мальчик, его склонная к невротическим реакциям мама и синтонный, сангвинический отец (тоже с заметной, хотя и спрятанной дефензивностью — переживанием своей неполноценности, неуверенностью в себе и т.д.) дурно чувствуют себя в искусственном мире, немного спасаясь лишь настоящим, природным, мармеладом. Искусственные, повторимые редиска, деревья, птицы, лягушка, сосновые шишки не способны вызвать в их потерянных душах свет жизни, как могла бы это сделать ВЕЛИКАЯ наша РОДСТВЕННИЦА ПРИРОДА. Мне рассказывали очевидцы, что в дальнейшем, долгое плавание без берегов рыбаки-моряки берут с собою зелёную траву в ящиках с землёй, лопухи, ромашки, кроликов. Конечно же, есть немало людей, более стойко переносящих долгую разлуку с живой природой (например, космонавты). Но лучше бы ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ жить в экологически здоровой, *родственной* ему ПРИРОДЕ. Для этого пусть каждый из нас делает, что может, дабы нам всем выжить. Выжить с творческим светом в душе от созвучия (от граней созвучия) с драгоценностями ПРИРОДЫ в лесу, в поле, в горах, на клумбе с бабочками в сквере. Мне становится не по себе, когда представляю, чем было бы ТВОРЧЕСТВО Пушкина, Толстого, Чехова, Пришвина, Пастернака без родной им ПРИРОДЫ.

Если исходить из естественно-научного диалектического (не вульгарно-механистического) мироощущения, то построить иной, не природный, а искусственный, смоделированный мир ПРИРОДЫ и ТЕХНИКИ, безопасно для человека развивающийся по своим законам, невозможно. Человек всегда будет мудрее робота своей неповторимостью, своими миллиардами лет происхождения и становления (каждого из нас). Машина не *творец* в истинном смысле, в ней нет уникальности и потому не может быть *интуиции*, способности к накоплению истинного живого *опыта*, не осознанного в своей

основе, но впитанного из бесконечно разнообразной, живой жизни. Уникальность (неповторимость), повторяя, выкованную миллиардами лет эволюции, повторить невозможно. Это утверждает и наука КИБЕРНЕТИКА (от греч. «управляю»), сложившаяся в своих основах в 1948 году. Её основоположник, американский математик Норберт Винер (1894—1964), назвал КИБЕРНЕТИКУ «наукой об управлении и связи в живом организме и машине» [6].

Винер поясняет, что машина — это «скорость и точность», а человек «обладает фантазией» и «создаёт понятие». И если машина сама создаёт программу, то программу для этой создающей программу машины создаёт тоже человек. И этот человек должен *точно знать*, какие могут быть последствия от работы машины по его программе. Программы для новых машин «должны быть всегда заранее точно определены, в противном случае могут быть не только положительные, но и вредные последствия». Винер рассказывает по этому поводу «известную английскую сказку». Вот она. «Один человек стал обладателем талисмана, с помощью которого могло быть выполнено любое его желание. Однако какой ценой он должен был заплатить за такое благо, было ему неизвестно. Когда он однажды получил с помощью своего талисмана большую сумму денег, то оказалось, что он должен был за это пожертвовать жизнью любимого сына...». Д-р Винер отмечает, что возможно подобное «неразумное» «использование вычислительных машин для военных решений». «Я не сомневаюсь, — говорит он в своём интервью ещё более полувека назад, — что проблема того, когда нажать "большую кнопку", трактуется сейчас с точки зрения обучающихся машин. Я был бы очень удивлён, если бы дело обстояло иначе, ведь это ходовые идеи. Вы знаете: "Пусть делает Железный Майк!"». Но нужно же знать реальный результат. «В противном случае вы можете создать вычислительную машину, которая технически выиграет войну, но всё разрушит». Да, человек «чрезвычайно сильно» изменяет окружающую среду. Сможем ли мы приспособиться к новой среде? Это «мы узнаем довольно скоро. Или не узнаем — нас больше не будет» [3, с. 304–305; 312–313].

Что делать? Кибернетика насущна и уничтожить её невозможно, убеждён Винер. Машины отняли у людей «уйму работы», уже давно «человеческая физическая энергия "стоит немного"». «Сегодня человек, пожалуй, не смог бы произвести столько энергии, чтобы купить пищу для своего собственного тела»; «мы больше не можем оценивать человека по той работе, которую он выполняет. Мы должны оценивать его как человека» [Там же. С. 310–311]. То есть творца.

Какое отношение имеет всё это к нашему сегодняшнему занятию?

Во-первых, нам остаётся жить так, чтобы по мере сил способствовать нарастанию **НРАВСТВЕННОСТИ, ДОБРА** в **ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ**, способствовать, так или иначе, организации международного нравственно-этического миропорядка на Земле, препятствующего ядерной войне, трагической планетарной катастрофе. Способствовать в том числе и волонтёрски.

Второе тесно связано с первым. Наше творческое развитие (в самом широком понимании) есть нравственное развитие. Творчество есть *созидание*, создание **ДОБРА** (неповторимо по-своему) в противовес *разрушению*, деструкции. Пусть продолжается наше целительное погружение в творческое самовыражение и в том числе в творческое общение с природой, которую будем по возможности хранить, оберегать, как наше родственное, как своих близких родственников. Как добрых людей **ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**, с которыми мы тоже родственники по **ПРИРОДЕ**-матери.

Всё это (и первое, и второе), несомненно, укрепляет здоровьем наши души, смягчает тревогу, душевную боль, тягостное чувство разлаженности, чувство несамостоятельности, безысходности, неполноценности, никому ненужности. Деревья, птицы, лягушки, ёжики, жуки, цветы, бабочки, тимофеевка, иван-чай — всё это со временем, по-видимому, возможно будет создать как «живые» кибернетические машины и машинки, но общение с ними не даст лечебного чувства природной родственности, целительного творческого вдохновения.

Ещё вопрос — нужно ли всё это создавать, нужно ли это будущему человеку для его творческого нравственного становления более, чем нынешние искусственные цветы? Кроме, конечно, тех особых случаев, когда подобное на пользу человека, то есть во имя ДОБРА.

Мы рассмотрели естественно-научный, одухотворённо-диалектически-материалистический подход к живой природе. Теперь рассмотрим подход философско-идеалистический (объективный идеализм) и религиозный на примере ХРИСТИАНСТВА.

Для человека одухотворённо-материалистического склада души ПРИРОДА — стихия, существующая сама по себе. Человек пытается управлять ею, как умеет. Заботится о ней и губит её. Отвечает за неё. Да и сам от неё всецело зависит. Человек материалистического склада души так природно устроен, что чувствует себя (свой мозг, своё тело) источником своего духа (конечно же, отражающего в себе общество). Дух людей сообразно своим природным основам (их особенностям) обнаруживается в определённых складах их души (в определённых личностно-характерологических картинах).

Люди философско-идеалистического (в случае объективного идеализма) и религиозного склада души и люди, верующие без каких-то сложных религиозных размышлений (поскольку «так принято»), чувствуют над собою ВЕЛИКИЙ ДУХ, правящий миром.

Верующие без сложных религиозных размышлений убеждены силой своего искреннего чувства в том, что, конечно же, только Бог способен создать наш бесконечно сложный, красивый, мудрый, таинственный мир. Этому убеждению серьёзно способствует или не способствует религиозное или нерелигиозное воспитание.

Люди философско-идеалистического (объективно-идеалистического), подлинного религиозно-христианского склада особой природой своей души чувствуют и понимают *изначальность* мирового ДУХА, то есть то, что ДУХ существует первично, сам по себе. И это их чувство, понимание выражается (в зависимости от особенностей их мышления, особенностей их души) большей или меньшей близостью к различным формам религий или формам идеалистического философского мировоззрения. В этих случаях мироощущение человека не так много зависит от воспитания. Обычно в случаях объективно-идеалистического (философского) и религиозного мироощущения, мировоззрения человек чувствует и зависимость свою от ДУХА, влияние, воздействие на него ДУХА (чаще, конечно, здоровое). Павел Александрович Флоренский (1882—1937), учёный, религиозный философ, богослов, вспоминая детство, отмечает следующее: «Я взывал к Богу, КОТОРОГО не знал, и моё сердце было полно страха, тоски и надежды на чудесную помощь. Уж в чём другом, а в чудесной помощи я никогда не сомневался. И в душе я тогда уже твёрдо верил, что Бог слышит меня и не оставит меня. Но от религии меня так отстраняли, что даже когда представлялась возможность узнать нечто, я пугался и в замешательстве отказывался» [8, с. 151]. Для нас важно, что Бога мальчик Флоренский чувствовал и через свою «единственную возлюбленную» — ПРИРОДУ [Там же. С. 63]. Природа «посылает мне свои знамения, говорит мне знаменательными формами, мне одному доступными, чтобы я знал, где надо насторожить своё внимание. Молодые животные, некоторые птички, малые ящерицы с прекрасными карими глазами, иногда маленькие зелёные лягушата, ну, и, конечно, многие цветы так общались со мною». И т.д. Вот что тогда мальчик себе говорил: «Внутренне приковывают меня к себе формы определённые, ограниченные упругими поверхностями, упругими линиями». «В растениях вообще меня волновала <...> их волокнистость...», «... упругая вытянутость определяла чаще всего и мои влечения к птицам и животным. Тоненький и длинный, упругий клюв вальдшнепа...» [Там же. С. 88–90]. Что ищет неволью мальчик Флоренский? Он вскоре сам об этом скажет, вернувшись в своих воспоминаниях в свою взрослость. «И всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме СИМВОЛА» [Там же. С. 153]. А символами, как мы знаем из других наших занятий, обнаруживает себя изначальный ДУХ, Бог. В том числе в теоретическом открытии или в иконе.

Таким образом, для подлинного философского объективного идеалиста, подлинного верующего (во всяком случае, христианина) божественность природы и вечной человеческой души несомненна. Попытки соорудить искусственных людей и искусственную природу такими же, как люди и природа от Бога, здесь тщетны и вообще, словами верующего, «дьявольское дело».

Профессор хирургии Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука, 1877—1961) в своей книге «Дух, душа и тело» (1945—1947) пишет о своём чувстве Бога следующее: «Читая или слушая слова Священного Писания, я вдруг получал потрясающее ощущение, что это слова Божии, обращённые непосредственно ко мне. <...> Отдельные фразы совершенно неожиданно точно вырывались для меня из контекста Писания, озарялись ярким ослепительным светом и неизгладимо отпечатывались в моём сознании. И всегда эти молниеносные фразы, Божии глаголы были важнейшими, необходимейшими для меня в тот момент внушениями, наставлениями или даже пророчествами, неизменно сбывавшимися впоследствии» [1, с. 27]. Архиепископ Лука в этой же книге полагает, что «дух животных, — хотя бы и самый малый начаток его, дух жизни, не может быть смертным, ибо и он от Духа Святого. И у животных дух связан с телом, как у человека, и поэтому есть полное основание ожидать, что и их тела будут существовать в новой природе, новом мироздании после гибели нынешнего мира». Конечно, «примитивный дух» твари «не может бесконечно развиваться и нравственно совершенствоваться». <...> Жизнь вечная для низкой твари будет лишь тихой радостью в наслаждении новой светозарной природой и в общении с человеком, который уже не будет мучить и истреблять её» [Там же. С. 160].

Человек с естественным (природным), одухотворённо-материалистическим мироощущением также обычно считает, что у животных есть своя душа, неразвитая в сравнении с человеческой, но, особенно у домашних животных, может быть, в чём-то и лучше человеческой. Например, мы знаем удивительную тоску собаки по хозяину, её бесконечно искреннее сочувствие к нему и преданность без «двойного дна». Но для христианина это чувство, переживание собаки к хозяину возникает, развивается не в её теле с его взрослением. Эта малая душа вдыхается Богом в тварей. И она вечна, как и душа хозяина собаки, верующего в Христа. В вечной жизни они найдут друг друга.

Я был бы счастлив проникнуться таким мироощущением. К сожалению, не пускает природа, а уже старик. Но мне не так плохо от того, что старался по-своему делать своё психотерапевтическое добро, что написал немало по-своему хорошего (явного или скрытого) о близких мне людях, о наших домашних кошках и собаках, даже о крапиве и лопухах. И, значит, тоже буду как-то продолжать жить со всеми этими моими в широком смысле родственниками, близкими и более далёкими. Мы все живём в нашем родословном древе жизни — люди, животные, растения. А роботы и искусственные цветы разрушатся на свалке.

Таким образом, одухотворённому идеалисту, как и одухотворённому материалисту, тоже тягостно в этом искусственном мире роботов, потому что любая одухотворённость неповторима.

Происходящее в рассказе о крысе из старого мира сродни своей искусственностью природы яркому компьютерному картиночному виртуальному (воображаемому) миру, в котором особенно подолгу живут сегодня молодые люди, подростки. Общее в этих мирах то, что оба они более или менее обезличивают. Цифра передаёт оживляющую душу неповторимость (уникальность) природы гораздо слабее, нежели, например, плёночная фотография. Особенно тяжело в этих мирах тем, кто и так тягостно мучается своей несамособойностью в тревожно-апатической, деперсонализационной депрессивности. Виртуально-знаковые деревья, птицы, квесты, мультики и т.д., как жаловались мне люди, азартно втягивают в себя, но обездушивают порой до тошноты. Во всяком случае не одухотворяют своей неестественной повторимостью (отсутствием в них творческой,

природной уникальности). Только ДУХ, одухотворённость неповторимы. Независимо от того, изначальноны они или природны (из природы). Ещё говорили мне люди, что яблоко в компьютере красивее, но не волнует, как на картине или в жизни. И ещё говорили, что цифровая фотография своей особенной («модельной») повторимостью не так художественна, как плёночная, а дисковая музыка не так полна, естественна, как пластинковая. Зато, конечно же, цифровой мир несёт с собою так много преимуществ, подарков, что многие станут смеяться надо мною и даже презирать меня за это недоверие к новому. Я же хочу лишь осторожности на той дороге, по которой идёт ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, по которой идём мы тут сами. То есть каждому из нас хорошо бы внимательно соотносить ту новую жизнь, в которую мы уже вступили, со своими душевными природными особенностями. Со своим стремлением быть, чувствовать себя собою в своих отношениях с ПРИРОДОЙ (тема сегодняшнего нашего занятия). Стараться подробнее чувствовать новую жизнь и глубже понимать, что в ней и в нас в этой новой жизни происходит. Цифровой мир освобождает дефензивного, тревожно-депрессивного, тревожно-апатического человека от непосредственно ранящего общения с живыми людьми, но при этом часто незаметно усугубляет переживание им своего одиночества, отодвигает от родственной человеку ПРИРОДЫ и непосредственного общения с неповторимо-одухотворённой живописью.

Возможно, западный мир, западные депрессивные люди легче переживают это цифровое обезличивание по причине чаще встречающихся у них идеалистически-прагматических национальных особенностей души. Восточным славянам в этом отношении труднее.

Конечно, тут есть и свои подводные камни. Вы уже спрашивали. Правда, не совсем по теме занятия. А великая символическая живопись зрелого Кандинского, где бесконечно-уникальный ДУХ выражен только линией и краской, повторима? А символическая КРАСОТА великой ТЕОРЕМЫ тоже так ли уж неповторима? Но эти камни, не имеющие непосредственного отношения к живой природе, оставим на потом. Сразу обо всём не поговоришь.

Пока же кратко подытожу.

Людям дефензивным, депрессивным, с тягостным ускользанием своей индивидуальности, переживанием бессмысленности, безысходности своего тягостного состояния, жизни особенно трудно существовать без живой неповторимой природы. Они тогда ещё более обезличиваются, страдают от этого. Им важно, используя опыт наших занятий (и прежде всего в группе творческого самовыражения) и в соответствии с сегодняшним занятием стремиться чаще бывать среди живой природы, по возможности изучать природу, читать о природе художественное. Одни из них тянутся в чтении более к реалистической прозе и поэзии (Пушкин, Тургенев, Некрасов, Толстой, Чехов, Пришвин). Другие, склонные к религиозному мироощущению, — более к особым религиозно-художественным книгам писателей Бориса Зайцева, Ивана Шмелёва, Александра Стрижева.

А.Н. Стрижев в своей брошюре «Цветы и Храм (растения в русском церковном обиходе)» [7] напоминает, что «святой праведный Иоанн Кронштадтский сказал, что "цветы — это остатки рая на земле"» [Там же. С. 3]. И далее. «Главная церковная дорожка обсажена цветами, радующими глаз с весны до осени. Весной тут красуются подснежники: галантусы, крокусы, сциллы; чуть позднее примулы, нарциссы, маргаритки, аютины глазки, а за ними ирисы и тюльпаны» [Там же. С. 21–22]. «Вся земля вокруг храма освящена, потому надлежит иметь о ней и особое попечение. Полотую травку тут не выкидывают, как это бывает на усадьбе, а сберегают про запас. Преподобный Серафим Саровский наставлял дивеевских инокинь: «Землю с обеих сторон Рождественской церкви непременно огородите заборчиком: тут стопочки Царицы Небесной» [Там же. С. 25].

Важно почувствовать, понять, что тебе ближе, что более отвечает твоему характеру, природе твоей. Религиозное мироощущение или естественное (природное).

Как на самом деле, так сказать, *объективно*, независимо от природных особенностей, природных свойств каждого из нас, совершилось, образовалось всё в МИРОЗДАНИИ, думаю, есть вопрос неразрешимый, вечная Тайна. Дух (Бог) сотворил небо, землю и всё на небе и на земле или изначально ПРИРОДА, саморазвиваясь, стала творить дух (в широком понимании) в растениях, животных, людях? Кто тут прав — материалист или идеалист? Не знаю. Не знаю убедительного ответа на этот вопрос. Но это незнание, его тайна светло помогает многим неверующим, но живущим для добра людям и природе спокойно жить перед смертью.

Занятие может серьёзно помочь людям с дефензивными, депрессивно-апатическими, тревожно-депрессивными, деперсонализационными расстройствами смягчиться обрётённым, усиленным чувством родства с природой, ощутив в травах, деревьях, птицах, других животных миллиарды лет нашей общей эволюции, в которой постепенно развивается и наша неповторимая духовность. Может быть, захочется взять в дом котёнка, щенка, аквариум, цветы в горшках и т.д., изучать внимательно неповторимую природу. При всём этом усиливается и неразделимое с чувством родства с природой, чувство своей духовно-телесной уникальности, теснящей аморфную, безликую депрессивность. Кому-то, быть может, захочется свою религиозную веру как-то связать с царством растений и животных. Кто-то, случается, впервые почувствует, благодаря занятию, движение религиозного чувства, неповторимое чувство ЛИЧНОСТИ Бога, собственной песчинки ЛИЧНОСТИ Бога в своей душе.

В заключение прошу рассмотреть на экране компьютерный слайд картины Шишкина «Утро в сосновом лесу» (1889). Вспомним эту картину в Третьяковской галерее или старую (не цифровую) репродукцию этой картины. Здесь уникальность природы усиливается переживанием природы Шишкиным (его личностной уникальностью). Значительно ярственнее, нежели на компьютерном слайде. Постараемся прочувствовать, понять ЦИФРОВУЮ необходимость в нашей жизни и свою внимательную осторожность к ЦИФРЕ. Сравним цифровой слайд этой картины с плёночным — из старого проектора.

И.И. Шишкин. «Утро в сосновом лесу» (1889).

Литература

1. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. – Терирем, 2016. – 160 с.
2. Бурно М.Е. Больной человек и его кот: психотерапевтическая проза о целебном творческом общении с природой. – М.: Приор-издат, 2003. – С. 69–74.
3. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / пер. с англ. / под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Советское радио, 1968.
4. Добролюбова Е.А. О помощи шизотипическим пациентам творческим общением с природой // Практическое руководство по Терапии творческим самовыражением / под ред. М.Е. Бурно, Е.А. Добролюбовой. – М.: Акад. проект, 2003. – С. 601.
5. Мир психотерапии и вокруг. Новости // Психотерапия. – 2011. – № 1 (97). – С. 3–4.
6. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 328.
7. Стрижев А.Н. Цветы и Храм (растения в русском церковном обиходе). – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. – 48 с.
8. Флоренский Павел. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. – М.: Московский рабочий, 1992. – 560 с.

From practice. "Rat from the Old World" (lesson in the group of creative self-expression (Therapy of creative self-expression (M.E. Burno)))

Burno M.E.¹

E-mail: allaburno@rambler.ru

¹ Russian Medical Academy of Continuous Professional Education
2/1 Barrikadnaya str., bldg. 1, Moscow, 125993, Russia
Phone: +7 (499) 252-09-01

Abstract. This is a living presentation of a treatment session (several interconnected sessions) that has been lived together with patients, psychotherapists, psychologists in the psychotherapeutic living room, based on the psychotherapeutic story of M.E. Burno "Rat from the Old World" (1977). For a more complete penetration into the lesson, it turned out to be appropriate to cite the whole story here. The lesson significantly helps defensive anxious-doubting patients, patients with anxiety, apathy, and depersonalization depressive disorders. The lesson is taught by a psychiatrist-psychotherapist or a medical psychologist. At the beginning of the lesson, the leader slowly, expressively reads the story aloud.

Key words: Burno M.E.; psychotherapy; Creative Self-Expression Therapy; personality; medical psychology; defensive disorders; anxiety disorders; apathetic disorders; depressive disorders; depersonalization disorders.

For citation

Burno M.E. From practice. "Rat from the Old World" (lesson in the group of creative self-expression (Therapy of creative self-expression (M.E. Burno))). *Med. psichol. Ross.*, 2019, vol. 11, no. 2, p. 2. doi: 10.24412/2219-8245-2019-2-2 [in Russian, abstract in English].